

ДАРЬЯ ШОКУРОВА

**ЗАПУСТИ ЦЕПНУЮ
РЕАКЦИЮ**

Дарья Шокурова

Запусти цепную реакцию

«Автор»

2026

Шокурова Д.

Запусти цепную реакцию / Д. Шокурова — «Автор», 2026

В двадцать семь лет Алиса всё ещё живёт по правилам, которые написала не она. «Игорёк — лучшая партия. Пилатес полезнее йоги. И шапку надо надевать даже в сентябре». Мама знает лучше. Мама волнуется. Мама всегда права. Но однажды Алиса садится на велосипед и уезжает в Крым. Без маминого одобрения. Без опыта. Без страховки. В компании, где единственный знакомый ей человек — Глеб, которого она не видела больше десяти лет. Старший брат лучшей подруги. Циник. Тот, кто никогда не воспринимал её всерьёз. Алиса устала быть для всех «правильной». Устала оправдывать чужие ожидания. Этот поход — её первый шаг в другую сторону. Но один шаг тянет за собой другой. А другой — третий. И вот уже поездка в Крым запускает цепную реакцию, которую никто не планировал.

© Шокурова Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Велосипед как предчувствие катастрофы.	5
Глава 2. Пара часов до свободы.	9
Глава 3. Свои в доску.	11
Глава 4. Диагноз от Глеба.	14
Глава 5. Выбор.	18
Глава 6. Маленькая победа.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дарья Шокурова

Запусти цепную реакцию

Глава 1. Велосипед как предчувствие катастрофы.

Вот стою я у вокзала,
Замуж поздно, сдохнуть рано.
Не пойти ли в турпоход —
Может, там кто подберёт.
— *Из походного фольклора*

Алиса смотрела на велосипед и чувствовала, как внутри нарастает тихая паника.

Велосипед был красивый. Фирменный. Алюминиевая рама, дисковые тормоза, тридцать скоростей — всё, как завещала Ленка, которая в велотуризме уже больше десяти лет и поэтому точно знает, что «это база, Алиса, без неё ты там просто сдохнешь». Ну, или что-то в этом роде. Велосипед стоял посреди её однушки, прислонённый к дивану, и напоминал инопланетный аппарат, который случайно приземлился не на ту планету.

Алиса смотрела на него и почему-то подумала о маме. О том, что мама сказала бы про велосипед в квартире. О том, что мама скажет, когда узнает про поход. О том, что мама, наверное, уже чувствует что-то неладное — у неё всегда срабатывало шестое чувство на Алисины авантюры. Правда, авантур за всю жизнь набралось от силы три — если не считать смену работы и переезд в свою квартиру. Но для мамы даже купить абонемент на йогу было спорным решением — ведь «пилатес полезнее».

Телефон на столе завибрировал, разрывая тишину.

— Дочь, ты шапку надела?

Голос мамы из динамика телефона прозвучал так вовремя, что Алиса даже вздрогнула.

— Мам, я дома. Сентябрь на дворе. Какая шапка?

— Сентябрь — он коварный. Солнце печёт, а ветер уже холодный. Голову беречь надо.

Ты окна не открывала?

Алиса послушно оглянулась на окно. Закрыто. Зашторено. Мысленно закатила глаза — сама на себя. «Серьёзно?!»

— Не открывала, — вздохнула она в трубку.

— И не открывай. Я в твоём возрасте так воспаление лёгких чуть не заработала. Ты помнишь?

Она помнила. Конечно, помнила. Как и про то, что «мужчины должны быть серьёзными». И про то, что «инициатива наказуема». И про то, что «замуж надо было успеть до двадцати пяти».

Со временем коллекция маминих «правильных истин» разрослась до размеров энциклопедии. Алиса была этой энциклопедией выслана изнутри.

— Я помню, мам, — она нервно дёрнула рукой, задев велосипед. Тот недовольно звякнул.

— Ну и славно А что это у тебя там за шум? Телевизор?

— Нет, это — Алиса запнулась, глядя на велосипед. — Я просто... Лена принесла кое-что.

— Леночка? Как она, кстати? Я слышала, они с Вовой в отпуск куда-то собрались?

— В свадебное путешествие, мам. Они поженились.

— Да ну? — голос мамы стал на полтона выше — ровно настолько, чтобы Алиса поняла: сейчас последует комментарий. — И когда только успели? Она же вечно по горам скакала на велосипеде, не до замужества ей было. А вот поди ж ты. Вова, говоришь? А кто он по профессии?

— Мам, ты его знаешь. Мы у них на свадьбе были. Он айтишник.

— Ах да, айтишник. Ну, это хорошо. Стабильность — это важно. А Ленка, смотрю, остепенилась наконец. Её брат, кстати, так и не женился? Как там его

Алиса внутренне поморщилась. Она знала, кого мама имеет в виду. Глеб. Старший брат Ленки. Вечный бунтарь, который ходил в чём попало, слушал какую-то непонятную музыку и смотрел на мир с выражением «все вы тут не правы». Она помнила его ещё с детства — Ленка таскала её к себе домой, а Глеб, будучи старше их на десять лет, относился к ним как к мелким надоедливим насекомым. Однажды, когда Алисе было лет двенадцать, он закатил глаза на её робкое «а можно я тоже посмотрю?» и сказал: «Сиди в своей песочнице и не отсвечивай». С тех пор она его побаивалась. И слегка презирала. И, если честно, всегда надеялась, что больше никогда не столкнётся с ним на своём жизненном пути.

— Мам, мне пора, — перебила она собственные мысли. — Лена сейчас зайдёт, нужно кое-что обсудить.

— Ох, не нравится мне этот тон. Что вы там опять задумали? Ты помнишь, что в выходные мы с тётей Верой и Игорьком на выставку идём? Я на тебя рассчитываю, ты обещала.

«Игорёк. Тридцать пять лет, живёт с мамой, копит деньги на отпуск с ней же. Не женат. И, судя по всему, никогда не будет. А мама всерьёз считает его хорошей партией», — Алиса мысленно покачала головой.

— Помню. Всё помню. Пока.

Она сбросила вызов быстрее, чем мама успела сказать «целую», и уставилась на велосипед.

— Это безумие, — сказала она вслух.

Велосипед молча согласился.

В дверь трижды коротко и бодро постучали. Алиса узнала бы этот стук из тысячи — так стучат только люди, которые ни секунды не сомневаются, что им откроют. Ленка ворвалась в квартиру с рюкзаком, который казался больше неё самой, с пакетом каких-то вещей и с лицом человека, который пришёл спасать мир, даже если мир пока об этом не просил.

— Алиска, уже примеряешься? Красава! — Ленка хлопнула ладонью по седлу. — Садилась? Проверяла?

— Я боюсь на него садиться.

— Чего бояться? Он не кусается. Ладно, у нас куча дел. Я список составила.

Лена вытащила из кармана куртки сложенный вчетверо листок и торжественно развернула. Алиса посмотрела на него и почувствовала, как где-то в районе солнечного сплетения образуется маленькая чёрная дыра.

— Это что?

— Снаряга, — ответила Лена так, будто слово было общеизвестным и само собой разумеющимся. — Форма, перчатки, мультитул, аптечка, фонари, спальник, коврик, ремнабор, бутылки, батарейки, термобельё, дождевик...

— Стоп. — Алиса подняла руку. — Я еду всего на неделю, а не в ссылку в Сибирь.

— В велопоходе неделя — это как в обычной жизни полгода. Там всё, что ты с собой возьмешь, станет вопросом выживания. — Лена перечислила ещё десять позиций, пока Алиса пыталась осознать фразу «коврик для сидения». — И самое главное, — Лена назидательно подняла палец, — никаких джинсов. Вот прям никаких. Ты поняла?

— А что не так с джинсами?

— С джинсами в седле всё не так. Они трут, они мокнут, они не сохнут. Ты натрешь себе такое, что сидеть не сможешь неделю. И я сделаю из этого мемы на год вперед.

Алиса вздохнула. Она собиралась взять с собой пару милых спортивных комплектов, крем для рук, книгу (бумажную, потому что в походе это так атмосферно) и, возможно, малень-

кую косметичку, чтобы чувствовать себя человеком. Судя по Ленкиному списку, её планы вступали в суровый конфликт с реальностью.

— А — она замялась, чувствуя привычную неловкость от необходимости задавать вопросы, которые могут показаться глупыми. — А что тогда надевать?

— Сейчас покажу.

Лена вытащила из пакета нечто из оранжево-бордовой синтетики и множества молний. Алиса взяла вещь двумя пальцами, как неопознанный объект.

— Это велоформа. Специальные шорты, чтобы пятую точку не отбить. А также сверху — ветровка, дышащая и непромокаемая. Термобельё вниз и вверх. Носки специальные. Всё, принцесса, модный показ окончен. Теперь ты не просто бухгалтер Алиса, ты велотуристка Алиса, которая умеет менять камеру в полевых условиях и ставить палатку за семь минут.

— Я не умею менять камеру.

— Научисься.

— И палатку ставить не умею.

— Научисься. — Лена улыбнулась своей широкой, уверенной улыбкой, которая всегда действовала на Алису гипнотически. — Слушай, я понимаю, страшно. Ты в таком походе никогда не была и не представляешь, как это всё работает. Но поэтому я и записала тебя именно с дядей Витей. Это легенда. Он такие маршруты водит, что туристы со стажем к нему на год вперёд записываются. Группа будет маленькая, человек шесть-семь, все свои. Там и опытные ребята будут, которые помогут. И вообще, ты же хотела приключение?

— Я...я хотела найти себя, — тихо сказала Алиса.

Лена посмотрела на неё с той внезапной серьёзностью, которая иногда прорывалась сквозь её вечную бодрость.

— Ну так. Велосипед и Крым — лучший способ. Я сама себя в первом походе нашла. Потом потеряла, а потом снова нашла. Это нормально. Главное — не бояться спросить, если чего не знаешь. И не слушать того, кто говорит «ты не справишься». Даже если этот кто-то — ты сама.

Алиса посмотрела на велосипед, на список, на велоформу в своих руках.

— Мама скажет, что это авантюра.

— Она бы сказала, что это авантюра, даже если бы ты в библиотеку записалась, — беззлбно отрезала Лена. — Ты серьёзно хочешь провести всю жизнь, оглядываясь на то, что сказала мама?

— Не всю жизнь, — возразила Алиса, но голос прозвучал неубедительно. — Просто она волнуется. И вообще, у неё есть опыт. Она одна меня растила, она

— Она вырастила тебя, — мягко перебила Лена. — Всё правильно. Но теперь ты выросла. И имеешь право на свою жизнь и свои авантюры. Даже если страшно. И даже если мой братец будет там закатывать глаза.

Алиса почувствовала, как внутри всё оборвалось.

— Глеб там будет?

— А ты думала? — Лена усмехнулась. — Он каждый год с дядей Витей в Крым катается. Ты разве не знала?

— Я думала, он с переездом в Москву забросил это своё увлечение, — растерянно сказала Алиса.

— Забросил он, как же, — хмыкнула Лена. — И вообще, чего ты боишься? Вы знакомы сто лет. Подумаешь, брат мой старший.

— Мы друг друга терпеть не можем!

— Это раньше вы друг друга терпеть не могли. Сейчас вы взрослые люди, — спокойно ответила Лена. — И потом, он тебя даже не заметит. У него там свои дела, а ты будешь с другими новичками под наставничеством дяди Вити.

— Лена, я серьёзно

— Алиса, — Лена взяла её за плечи и посмотрела в глаза. — Ты хочешь приключение? Ты хочешь понять, кто ты без маминых советов? Вот оно. Неделя в Крыму. Горы, море, велосипед. И да, там будет Глеб. И, возможно, иногда тебе придётся с ним как-то взаимодействовать. Но знаешь что? Ему на тебя наплевать. Он даже не знает, что ты едешь.

— Как это — не знает?

— А я ему не говорила, — спокойно ответила Лена. — Сказала, что вместо меня поедет моя хорошая знакомая. Опыта мало, но с головой дружит. Всё.

— Лена! Он же меня убьёт!

— Не убьёт. — Лена пожала плечами. — Он тебя возможно даже не вспомнит. Ты для него — подруга сестры, которую он видел последний раз в детстве. Расслабься и просто получай удовольствие от похода.

Алиса молчала. В голове металась мысль: позвонить дяде Вите, отменить всё, сказать, что она передумала, что мама всегда была права, когда не отпускала её в такие походы. Но где-то глубоко внутри, под слоем страха и неуверенности, шевельнулось что-то другое. Обида. На Глеба, который когда-то сказал «сиди в своей песочнице». На маму, которая до сих пор решала, как ей жить и что выбирать. На себя — за то, что позволяла им обоим.

— Дай мне пару дней, — тихо сказала Алиса.

— Хорошо, — легко согласилась Лена. — Но ты всё равно поедешь. Я знаю.

Глава 2. Пара часов до свободы.

Суббота выдалась на редкость паршивой.

Алиса проснулась в семь утра, хотя могла бы спать до десяти. Встала, сходила на кухню, включила чайник, выключила, снова включила. Рюкзак стоял в прихожей — собранный, пере-ложенный трижды, проверенный раз пять. Билеты на поезд лежали в кармане куртки. Она уже дважды вынимала их, перечитывала и убирала обратно.

Один раз она почти позвонила Ленке, чтобы сказать: «Всё отменяется». Вместо этого натянула джинсы, свитер — тот самый, серый, который мама называла «унылым» — и поехала в центр.

Выставка называлась «Шедевры русской живописи: взгляд сквозь века». На деле это оказался полупустой зал в Выставочном центре с тремя десятками картин местных художников и толпой пенсионеров с авоськами.

Мама ждала у входа. Она стояла, выпрямившись, как солдат на посту, и сканировала горизонт в поисках дочери. Увидев Алису, сразу перешла в атаку:

— Ты крем нанесла? Ветер, солнце — кожа миглом состарится.

— Нанесла, мам.

— А шапка где? Я же говорила — без шапки ни ногой. На улице не май месяц.

— Мам, я сейчас зайду в помещение. Там тепло.

Тамара Васильевна поджала губы — так она делала всегда, когда не находила аргументов, но была уверена в своей правоте. Алиса знала эту гримасу с детства.

Рядом, перелистывая программку с таким видом, будто держала в руках манускрипт, стояла тётя Вера — пышная крашеная блондинка с перманентным макияжем и надменным выражением лица. А за её спиной, сутулясь и пряча руки в карманах, топтался Игорёк.

Он выглядел именно так, как Алиса запомнила его: лёгкая небритость, ветровка «на случай похолодания», джинсы с пузырями на коленях — возможно, даже тот же самый свитер, что и два года назад. Он улыбнулся Алисе, будто они уже женаты и живут с его мамой.

— Привет, — сказал он. — Давно не виделись.

— Привет, Игорё... — начала она и тут же поправилась: — Игорьь.

А дальше был час — нет, не час, а целая эпоха, — в течение которой мама и тётя Вера успели обсудить всё на свете.

Женщины двигались вдоль картин со скоростью очереди в поликлинике, останавливаясь перед каждым полотном.

— Вот это я понимаю, настоящий художник, — вещала тётя Вера. — Не то что эти современные мазины.

— А у этой рама криво висит, — подхватывала Тамара Васильевна. — Безобразие. Мы деньги заплатили, а они повесить нормально не могут.

— Тамара, ты посмотри, какая гамма! Прямо как у вас на даче в позапрошлом году.

Алиса кивала, улыбалась и краем глаза следила за часами. Шестнадцать тридцать. Семнадцать пятнадцать. Восемнадцать ноль-ноль.

Поезд в двадцать три. Время ещё есть. Пока есть.

Игорёк шёл рядом и мучительно пытался поддерживать разговор.

— А ты где работаешь? — спросил он, когда они отстали от мам на пару шагов.

— В одной крупной компании, — уклончиво ответила Алиса.

— А-а-а, — протянул он так, будто это всё объясняло. — Ну, и как там?

— Нормально.

— А у меня работа ну, такая. Не пыльная. Главное, что начальник не зверь.

Алиса подавила желание спросить «какая работа?». Но и так было понятно: такая, где не надо напрягаться.

Они замолчали. Тишина вышла тяжёлой и неловкой. Игорёк, видимо, решил, что пауза затянулась, и выдал:

— А мы с мамой в этом году на море ездили.

— Знаю, — сказала Алиса. — Тётя Вера рассказывала.

— Там классно. Погода хорошая, вода тёплая. Правда, цены кусаются.

— А вы не в Крым ездили? — спросила она, сама не зная зачем.

— В Крым? — Игорёк поморщился. — Не, мы в Сочи, по-человечески.

Алиса представила Крым. Горы, море, ветер в лицо, дорогу, которая уходит вверх, а потом резко вниз — и никого вокруг, только ты, велосипед и это чувство, что всё только начинается. Она ещё ни разу там не была, но почему-то уже сейчас, стоя в душном выставочном зале, улыбнулась. Как будто предвкушала что-то очень важное. То, что поможет ей наконец найти себя.

Игорёк заметил улыбку и оживился:

— А что, ты тоже хочешь в Сочи? Может, мы следующим летом

— Нет, — быстро сказала Алиса. — Я вообще обычно в других местах отдыхаю.

Игорёк сник, спрятал руки в карманы и до конца выставки не проронил больше ни слова.

В девятнадцать часов мамы наконец наговорились. Тётя Вера обняла Алису и шепнула на ухо почти умоляюще:

— Ты присмотришься к Игорьку. Парень хороший, не пьёт, не гуляет. Да и я вам не помешаю, квартира у нас большая, двухкомнатная.

Алиса выдавила улыбку и пообещала «подумать». Она врала. Но мама, тётя Вера и даже Игорёк свято верили, что когда-нибудь она надумает. Ей же уже двадцать семь. Почти старая дева.

Тамара Васильевна, когда они остались с Алисой вдвоём, добавила:

— Ну как тебе? Скромный, надёжный. Не то что эти мужчины вокруг тебя выскочки.

— Мам, Игорёк живёт с тётей Верой.

— И что? На свою квартиру копит. Когда женится — переедет.

— Ему тридцать пять, мам. Он копит на эту квартиру уже лет десять.

— Всему своё время, — отрезала Тамара Васильевна. — Не всем же по горам скакать, как твоей Ленке.

Алиса промолчала. Посмотрела на часы. Двадцать ноль-ноль.

— Мне пора.

— Уже? А я хотела с тобой чай попить

— В следующий раз. Обещаю.

Она чмокнула маму в щёку, поймала такси и полетела домой.

У неё было два часа, чтобы собраться на поезд и не сойти с ума.

Влетев в квартиру, Алиса переделалась: свитер — в сторону, на себя — удобную футболку и толстовку. Ещё раз проверила содержимое рюкзака — вроде всё на месте. Велосипед, как и обещала Ленка, должны были доставить к поезду на газели вместе с остальными. Набрала её.

— Я еду.

— Я знала, — её голос звучал так, будто она выиграла в лотерею. — Вещи собрала?

— Да.

— Такси до вокзала заказала?

— Да.

— Красава! Напиши мне, когда сядешь в поезд. И не забудь документы...и шапку.

— Лена!!! — закричала Алиса и от души захохотала. Первый раз за день.

Глава 3. Свои в доску.

Поезд Нижний Новгород — Симферополь уже стоял на третьем пути, когда Алиса добралась до места встречи.

Вся команда ожидала её у вагона. Алиса издалека узнала дядю Витю — его фигуру и седую бороду невозможно было ни с кем спутать. Рядом с ним крутился долговязый парень с GoPro на шлеме, который снимал всё подряд и громко комментировал каждый чих. Чуть поодаль стояла девушка с короткой модной стрижкой и велосипедом, обклеенным стразами, — такого Алиса не видела даже в интернете. А рядом с девушкой — здоровенный парень в тёмной футболке, который молча поправлял крепления на багажнике.

Плацкартный вагон пах тем особенным, составным запахом из горячего металла, крепкого чая и свежего белья. Алиса стояла в проходе и в панике смотрела на таблички с номерами мест.

— Наши с девятого по двенадцатое и сорок девятое, — раздался сзади бодрый голос. — Девочки внизу, парни наверху, дядя Витя на боковой. Всё по красоте.

Катя — Алиса уже запомнила её короткую модную стрижку и спортивную фигурку — ловко закинула свой рюкзак на полку и тут же села следом, чтобы разложить вещи.

Остальная команда тоже потихоньку подтягивалась в вагон. Первым в купе ввалился тот самый долговязый парень. На голове у него всё так же красовался шлем, камера моргала красным огоньком, а сам он комментировал процесс закидывания рюкзака так, будто вёл репортаж с места высадки на Луну.

— Так, народ, мы в вагоне, пока всё штатно, полки свободны, багажные места пусты, начинаем оккупацию территории!

— Артём, выключи ты эту хрень, — донёсся Катин голос. — Тебе что, обязательно всё снимать?

— Это для истории! — возмутился он, но камеру всё-таки выключил. Потом посмотрел на Алису, и его лицо приобрело выражение, которое она не смогла сразу идентифицировать. Спустя секунду до неё дошло: это попытка выглядеть крутым.

Попытка провалилась с треском. Артём поправил шлем, потом зачем-то попытался подтянуться на верхней полке, но нога соскользнула, и он едва не рухнул на проходящую мимо проводницу.

— Извините! — пискнул он и, пунцовый, забрался-таки на свою полку, где и затих, обиженно перебирая что-то в рюкзаке.

Следом вошёл Кирилл. Вот это был контраст: широкоплечий, мощный, в тёмной футболке, которая обтягивала руки так, что становилось понятно — этот человек если упадёт, то только вместе с вагоном. Он молча кивнул Алисе и полез на верхнюю полку с грацией медведя, который не собирает никого впечатлять.

— А это Кирилл, — прокомментировала Катя из своего угла. — Он говорит редко, но метко. Если за весь поход услышишь от него три предложения — считай, повезло.

— Четыре, — вдруг сказал Кирилл.

— Что?

— Четыре предложения.

Катя прыснула. Алиса невольно улыбнулась. С Кириллом, кажется, можно было найти общий язык.

Последним появился дядя Витя. Седой, коренастый, с любимым термосом в одной руке и походным рюкзаком в другой. Он окинул вагон хозяйским взглядом, удовлетворённо хмыкнул и занял нижнюю боковую полку.

— Ну, вот и собрались, — сказал он голосом человека, который не привык суетиться. — Алиса, добро пожаловать. Первый раз в походе?

— Первый, — честно призналась Алиса и почувствовала, как тревожность немного отступает.

— Ничего, — он кивнул. — Все мы когда-то начинали. И Лена, и Катя, и Глеб

— Глеб? — переспросила Катя.

— Ага, — дядя Витя отхлебнул чай. — Он нас встретит послезавтра в Симферополе. Всё-таки решил прокатиться в этом году. Как он выразился: «в последний раз».

Алиса почувствовала, как внутри всё сжалось. Лена, конечно, предупреждала, что Глеб тоже поедет. Но почему-то сейчас, в тесном купе плацкарта, под мерный стук колёс, мысль о том, что скоро она увидит его на перроне, стала совершенно реальной. И от этого стало одновременно и страшно, и — как ни странно — немного легче. Потому что сейчас его здесь нет. Сейчас можно просто знакомиться с остальными и вливаться в коллектив.

— А ты Глеба знаешь? — спросила Катя, внимательно посмотрев на Алису. В её глазах горело любопытство профессиональной сплетницы.

— Да, — коротко ответила Алиса. — Мы... ну, встречались пару раз в детстве.

— О, — Катя многозначительно подняла бровь. — Ну, тогда ты знаешь, что он такой.

— Какой? — не удержалась Алиса.

— С характером, — дипломатично сказала Катя. — Но мужик правильный. Если что — прикроет. Если не прикроет — значит, сам поддыхает, но всё равно прикроет.

Кирилл сверху издал звук, похожий на «м-м-м», что, видимо, означало согласие.

— А ты, Алиса, кем работаешь? — вдруг подал голос Артём. Он всё это время сидел на своей верхней полке, поджав длинные ноги по-турецки.

— Бухгалтером, — ответила она.

— Круто! — Артём аж подпрыгнул и верхняя койка жалобно скрипнула. — А я вот системным администратором в айти. В походе это не очень нужно, конечно. Хотя если у тебя ноутбук сломается, я могу...

— У меня нет с собой ноутбука, — вежливо сказала Алиса.

— А телефон? — не унимался Артём. — Телефон я тоже могу починить. Я вообще всё могу. Ну, почти всё. Кроме ну, там, еду приготовить, палатку поставить. Но велосипед я починить смогу! В теории...

Катя громко хмыкнула.

— Артём, ты ей ещё про свои мозоли расскажи.

— А что? — обиделся он. — У меня действительно мозоли бывают. Это нормально для новичка.

— Ты уже третий год с нами ездешь, — напомнила Катя.

— И что? Они не проходят! — он склонился с видом мученика. — У меня кожа нежная, это медицинский факт.

Алиса не знала, что сказать. С одной стороны, было смешно. С другой — немного неловко, потому что Артём смотрел на неё так, будто она была судьёй на конкурсе «Лучший нытик года», и ему очень нужна была её поддержка.

— Наверное, это неприятно, — выдавила она.

— Очень! — обрадовался Артём. — А ты? У тебя бывают мозоли?

— Я пока не знаю, — честно сказала Алиса. — Я же в первый раз.

— О! — Артём просиял. — Мы коллеги по несчастью!

— Мы пассажиры одного поезда, — поправил дядя Витя из своего угла, и в его голосе послышалась лёгкая усмешка. — Артём, оставь девушку в покое. Дай человеку ко всему привыкнуть.

Артём сник, но не надолго. Через минуту он уже снова включил GoPro и начал снимать проплывающие за окном огни, комментируя каждый столб и каждую берёзу.

Катя достала телефон.

— Слушай, а ты замужем? — спросила она как бы между делом, но глаза выдавали: вопрос не случайный.

— Нет, — ответила Алиса.

— Парень есть?

— Нет.

Катя кивнула с видом человека, который только что поставил галочку в нужной графе.

— А я тоже не замужем...то есть, не женат, — донёсся сверху голос Артёма. Он опять свесился с полки и чуть не выронил камеру. — И девушки у меня нет. То есть я свободен.

— Артём, — устало сказала Катя. — Заткнись.

— Что я такого сказал? — искренне удивился он. — Я просто представил факты.

— Ты представил себя идиотом, — отрезала Катя, но без злобы. — Алиса, ты извини его. Он всегда такой. Мы уже привыкли.

— Я не всегда такой! — возмутился Артём. — Иногда я бываю ещё хуже.

Кирилл сверху издал короткий смешок — если, конечно, этот звук можно было назвать смешком. Скорее, лёгкое сотрясение воздуха, которое медведь издаёт, когда ему весело.

Алиса вдруг поняла, что улыбается. Здесь, среди нелепого Артёма, молчаливого Кирилла, болтливой Кати и мудрого дяди Вити, она чувствовала себя почти в безопасности. Даже странно.

Поезд набирал скорость. За окном давно стемнело, и только редкие огоньки деревень мелькали в темноте.

— Алиса, а ты, боишься? — вдруг спросила Катя тихо, чтобы Артём не услышал.

— Чего? — уточнила Алиса.

— Похода.

Алиса помолчала. В вагоне стало тихо — даже Артём выключил камеру и, кажется, задремал на своей полке, свесив руку вниз. Кирилл перестал шуршать снаряжением. Дядя Витя пил чай и смотрел в окно.

— Боюсь, — призналась Алиса шёпотом. — Но ещё больше боюсь не попробовать.

Катя кивнула, как будто услышала то, что хотела.

— Правильный ответ, — сказала она. — Таких мы уважаем.

И она прилегла на свою полку, оставив Алису наедине с мерным стуком колёс и мыслями о завтрашнем дне.

Глава 4. Диагноз от Глеба.

Вокзал Симферополя встретил их привычной суетой.

Поезд прибыл рано утром, когда солнце только-только начинало золотить перроны, а воздух ещё хранил ночную прохладу. Алиса вышла из вагона, и первое, что она почувствовала — запах. Не морской — до моря ещё далеко, — а запах степи, пыли, можжевельника и чего-то ещё, неуловимого, южного, от чего сразу же перехватило дыхание.

Она сделала глубокий вдох и едва не закашлялась: воздух оказался густым и тёплым, совсем не таким, как в Нижнем.

— О, Крым, детка! — Катя с лёгкостью выпрыгнула из вагона и огляделась. — Ничего не изменилось. Те же вокзальные тётки с пирожками и те же таксисты-хулиганы.

— Какие такие хулиганы? — с опаской спросил Артём, который спускался следом и чуть не наступил на собственный шнурок. Он, судя по всему, не выпался, но GoPro уже висела у него на груди и радостно моргала красным глазом.

— Халтурщики, — перевела Катя. — Которые довезут, но не туда, и денег возьмут в тридорога. Дядя Витя, нас встречают?

Дядя Витя неторопливо спустился с подножки, поправил термос на поясе и окинул вокзальную площадь спокойным, всё знающим взглядом.

— Должны. Глеб обещал быть с утра пораньше. И ещё пара ребят из местных подъедут — помогут с велосипедами до базы доехать.

— Местные? — оживился Артём. — Круто! У них, наверное, велики такие, что мы все обзавидуемся.

— У них велики такие, что ты даже сесть на них побоишься, — хмыкнула Катя. — Седло высокое, Артём. А ты, помнится, в прошлом году с полметра падал, потому что ногами до педалей не доставал.

— Я доставал! — возмутился он. — Просто подъём был слишком резкий.

Кирилл молча выгружал из вагона рюкзаки. Он делал это методично, без лишних движений, складывая вещи в аккуратную горку. Алиса хотела помочь, но он так коротко и выразительно посмотрел на неё, что она поняла: её помощь здесь не требуется (может только навредить).

Она отошла в сторону, чтобы не мешаться, и принялась разглядывать вокзал. Огромное здание из стекла и бетона казалось ей монументальным и немного чужим. Вокруг сновали люди — кто-то с огромными баулами, кто-то с детьми, кто-то с такими же, как у них, велорюкзачками. Алиса чувствовала себя маленькой и неуверенной в этом потоке, но старалась не подавать виду.

— Алис, — дядя Витя подошёл к ней и протянул стаканчик с чаем. — Держи. Согреешься.

— Я не замёрзла, — удивилась она.

— Это согревает не тело, — спокойно ответил он. — А душу.

Она взяла стаканчик, сделала глоток и почувствовала, как внутри разливается что-то тёплое и успокаивающее. Чай пах травами и мёдом, и в этом запахе было что-то такое домашнее, от чего она на секунду прикрыла глаза.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что, — дядя Витя посмотрел куда-то в сторону выхода с вокзала. — А вот и наши.

Алиса проследила за его взглядом.

Со стороны парковки к ним двигались люди. Двое парней и девушка — все в застиранной велоформе и с загорелыми до черноты лицами.

Но главное — чуть впереди остальных шёл он. Глеб.

Алиса узнала его мгновенно, хотя не видела больше десяти лет. Он почти не изменился — только черты лица стали жёстче, в чёрных волосах засеребрилась седина, а в глазах прибавилось усталой иронии — той самой, которую она помнила ещё с детства. Высокий, поджарый. Одет просто: старая футболка, потёртые велошорты и кроссовки, которые видали виды.

Он шёл неторопливо, но как-то очень по-хозяйски, будто весь вокзал — его личная территория. Его взгляд был устремлен прямо на группу — и Алисе на секунду показалось, что он смотрит именно на неё.

— О, Глеб! — Катя замахала рукой. — Привет! А мы думали, ты в этот раз отмажешься!

— Хотел, но не вышло, — ответил он, подходя ближе. Голос у него оказался низкий, чуть хриловатый — то ли от простуды, то ли от привычки много молчать. — Дядя Витя сказал, что если я не приеду, то он расскажет всем ту историю с козой.

— Так это была коза? — изумился Артём, свешиваясь с кучи рюкзаков. — Я думал, медведь!

— Артём, заткнись, — синхронно сказали Катя и Глеб.

Алиса невольно улыбнулась, но тут же спрятала улыбку. Глеб переводил взгляд с одного на другого, и когда его глаза остановились на ней, она почувствовала, как внутри всё сжалось.

Он смотрел секунду, другую. В его взгляде не было узнавания — только лёгкое недоумение, смешанное с привычной для него долей цинизма.

— Привет! Я Глеб. Ты новенькая?

— Это Алиса, — влезла Катя. — Подруга Ленки.

Глеб кивнул, уже открывая рот, чтобы сказать что-то нейтральное по типу «добро пожаловать», но потом его взгляд снова вернулся к ней. Он сощурился, всматриваясь, будто пытался считать с её лица что-то давно забытое.

— Алиса? — переспросил он. — Та самая Алиса?

Она молча кивнула, чувствуя, как к щекам приливает жар.

Глеб усмехнулся. Не зло, даже не насмешливо — скорее с каким-то нехорошим предвкушением.

— О, — протянул он. — Ну надо же. Домашняя девочка, которую мама за ручку в школу водила. — Он покачал головой. — И как тебя мама-то отпустила? Или ты сбежала, пока она не видела?

Алиса почувствовала, как внутри всё вспыхнуло. От обиды, от злости, от того, что он попал в самую точку.

— Не твоё дело, — выдавила она.

— Моё, — спокойно ответил Глеб. — Потому что мне потом с тобой в горах торчать. И если ты вдруг решишь на середине подъёма, что «ой, я не хочу», — это станет моей проблемой.

— Я не решу, — сказала Алиса, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Посмотрим, — Глеб пожал плечами и повернулся к дяде Вите. — Витя, ты вообще в курсе, кого нам Ленка подсунула?

— В курсе, — спокойно ответил тот. — Девушку, которая желает научиться.

— Научиться за неделю? — Глеб хмыкнул. — Это не велосипедные курсы, это горы. Здесь или умеешь, или...

— Или учишься на ходу, — закончил за него дядя Витя. — Как все мы когда-то. Остынь. Глеб хотел что-то возразить, но махнул рукой.

— Понятно, — ответил он. — Где велики? Я договорился с ребятами, они сейчас подгонят газель.

Алиса стояла чуть в стороне и чувствовала себя лишней. Все эти люди — Катя, Кирилл, Артём, дядя Витя, местные ребята — казались одной большой, слаженной командой. Они переговаривались короткими фразами, понимали друг друга с полуслова, шутили над чем-то, что было известно только им. А она была здесь чужой.

«Может позвонить Ленке», — подумала она и тут же одёрнула себя. Нет. Она не будет звонить. Она справится.

Глеб тем временем распределял задачи:

— Саня, Серёга, помогите с велосипедами. Ксюша, проверь, кто в каких комнатах ночует сегодня на базе. Артём, — он посмотрел на долговязого парня, — сними камеру. Ты не на презентации стартапа.

— А что мне делать? — пискнул Артём.

— Помоги погрузить вещи!

Артём вздохнул, снял камеру и поплёлся к рюкзакам.

— А я? — спросила Катя.

— Ты будешь делать вид, что работаешь, — беззлобно сказал Глеб. — Как обычно.

— Глеб, ты невыносим!

— Знаю.

И тут его взгляд снова упал на Алису. Она стояла с рюкзаком в руках и растерянно смотрела, как остальные быстро разбирают вещи, перекидываются фразами, смеются. Она чувствовала себя беспомощной и глупой — такой, какой, наверное, и выглядела в глазах этого человека, который явно не переносил новичков (или конкретно её?).

— А ты, — сказал Глеб, чуть сощурившись, — на велосипеде хоть умеешь ездить?

— Умею. — ответила Алиса и добавила чуть тише: — В принципе.

— В принципе? — переспросил он, и в голосе зазвенела та самая насмешка. — Слушай, ну ты серьёзно? По горам «в принципе» не ездят. Там или умеешь, или летишь со скалы.

— Глеб, — вмешался дядя Витя. — Не пугай человека.

— Я не пугаю. Я предупреждаю, — пожал он плечами. — Лена могла бы и предупредить, что вместо неё поедет полный ноль.

Алиса почувствовала, как внутри что-то вспыхнуло. Обида? Злость? Она сама не могла разобрать. Но вместо того чтобы промолчать — как она делала всегда, когда кто-то её критиковал, — она вдруг отрезала:

— Я не ноль.

Глеб посмотрел на неё внимательнее. На его лице мелькнуло что-то вроде удивления — он не ожидал отпора.

— Посмотрим, — сказал он коротко и отвернулся.

Алиса выдохнула. Руки дрожали, но почему-то на душе стало легче. Она ответила, не промолчала.

— Держись, — шепнула Катя, проходя мимо.

Газель подъехала через полчаса. За это время Алиса успела выпить ещё один стакан чая, познакомиться с местными ребятами (Саня оказался молчаливым, как Кирилл, Серёга — балагуром, а Ксюша — той редкой девушкой, которая умела и шутить, и командовать одновременно) и даже помочь загрузить пару рюкзаков.

Глеб за это время ни разу даже не посмотрел в её сторону. Он переговаривался с водителем газели, проверял крепления на велосипедах, что-то объяснял местным — и делал вид, что Алисы не существует.

— Слушай, а ты чего такая напряжённая? — спросил её Артём, когда они залезли в кузов.

— Я не напряжённая, — солгала Алиса.

— Ага, — усмехнулся Артём. — У тебя всё на лице написано.

Газель завелась, и они тронулись.

Алиса сидела на жёсткой скамейке, прижимая к себе рюкзак, и смотрела, как за бортом проплывают улицы Симферополя. Город просыпался: открывались ларьки, бежали к остановкам люди с сумками, кто-то уже сидел на лавочках и пил кофе.

— Первый раз в Крыму? — спросила Ксюша, усаживаясь рядом.

— Да.

— Понравится, — сказала девушка уверенно. — Тут такое место оно меняет людей. Приезжают одни, а уезжают — совсем другими. Ты не бойся. Все когда-то начинали.

Газель выехала за город, и потянулись поля. Алиса смотрела на бескрайнюю степь, на далёкие горы на горизонте — пока ещё маленькие, но уже обещающие что-то большое и настоящее.

Она не знала, что ждёт её впереди. Не знала, справится ли. Не знала, как переживёт неделю рядом с человеком, который, кажется, её терпеть не может.

Но почему-то, глядя на эти горы, она впервые за долгое время почувствовала не страх, а азарт.

— Так вот ты какой, Крым, — прошептала она.

Глава 5. Выбор.

Газель тряслась по разбитой дороге, и Алиса уже начала жалеть, что выпила так много чая — теперь он неприятно булькал где-то в районе солнечного сплетения. За бортом проплывали предгорья Крыма: невысокие, покрытые редким кустарником холмы, кое-где уже тронутые желтизной.

— Скоро приедем? — простонал уже почти зелёный Артём.

— Через пятнадцать минут, — ответил Глеб, сидящий в кабине рядом с водителем.

Алиса покосилась на затылок Глеба и подумала, что он, наверное, специально сел так, чтобы не видеть её лица. Или чтобы она не видела его. И то и другое было одинаково обидно.

— Алис, ты как? — Катя толкнула её плечом. — Ещё не пожалела, что связалась с нами?

— Пока нет, — честно ответила Алиса.

Катя рассмеялась, и даже Кирилл, сидящий в углу кузова, уголками губ изобразил что-то вроде улыбки.

Газель наконец затормозила, и Алиса выглянула наружу.

Турбаза оказалась примерно такой, как она себе и представляла: два двухэтажных корпуса из ракушечника, двор с мангалами и скамейками и клумбы с уже отцветающими бархатцами. Внутри пахло старой мебелью, побелкой и чем-то неуловимо походным. Душ и туалет, как выяснилось, были общими на этаже — не в номере, конечно же. Алиса сначала мысленно расстроилась: всё-таки она рассчитывала на минимальный личный комфорт. Но потом до неё дошло, что они не на улице, и расстройство сменилось почти благодарностью. Походная логика работала безотказно: чем ниже планка ожиданий, тем легче радуешься мелочам.

— Добро пожаловать в рай, — объявил Глеб, спрыгивая с подножки. — Душ по расписанию, горячая вода — если повезёт.

— Ты издеваешься? — слабым голосом спросила Алиса.

— Я предупреждаю, — пожал плечами Глеб. — Не нравится — чемодан, вокзал, Нижний.

Распределение комнат прошло быстро и без споров. Дядя Витя, как старший, занял койку у окна в своей комнате, Саня и Серёга к нему присоединились. Глеб, Кирилл и Артём получили комнату через коридор. А девушки поселились в самом светлом номере на втором этаже, где, по крайней мере, пахло не сыростью, а старой мебелью и лёгкой пылью акации из открытого окна.

— Уютно, — сказала Ксюша, бросая рюкзак на кровать. — По походным меркам — пятизвёздочный отель.

— Ты просто не видела, что творится в душе, — хмыкнула Катя. — Там краник в одну сторону, а вода — в другую.

Алиса слушала их перешучивание и чувствовала себя невероятно чужой. Для неё отсутствие нормального душа было катастрофой. Для них — привычной бытовухой.

— Ничего, привыкнешь, — заметила Ксюша, будто прочитав её мысли. — На третий день будешь с утра пораньше занимать очередь в душ, а он там — пятилитровка с ледяной водой.

— Зато вода из родника, — добавила Катя. — Полезная.

— И холодрыга такая, что визг на всю долину, — Ксюша мечтательно закатила глаза. — И это считается кайфом.

— Походным, — уточнила Катя. — Своим, не купленным.

Глеб встретил их во дворе, когда они вышли разбирать велосипеды.

— Так, народ, — начал он командирским тоном. — Сегодня и завтра ночуем здесь. Послезавтра с утра выезжаем. Маршрут: Бахчисарай — Севастополь. Километраж — около

ста двадцати. Разбиваем на пять-шесть дней, без спешки. Ночевки в палатках, но на турбазы тоже рассчитываем — на случай дождя.

— А дождь будет? — с надеждой спросил Артём.

— Будет, — коротко ответил Глеб. — Обязательно. Я специально для тебя заказал, чтобы ты расслабился и поныл с комфортом.

Алиса стояла чуть поодаль и слушала. Она старалась запомнить каждое слово, но голова была забита другим: как она вообще будет ехать эти сто двадцать километров, если последний раз садилась на велосипед в школе?

— Алис, — Глеб вдруг повернулся к ней, и она вздрогнула. — Ты вообще слушаешь меня или витаешь в облаках?

— Слушаю, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

— Повтори, во сколько выезжаем.

— Послезавтра утром, — быстро сказала Алиса.

— Во сколько?

Она замялась. Он же вроде не называл время.

— Вот, — Глеб удовлетворённо кивнул, будто только и ждал этого. — Если внимательность не твой конёк, бери блокнот и записывай.

— Глеб, — вмешался дядя Витя. — Хватит.

— Я просто констатирую факты, — Глеб поднял руки в примирительном жесте, но в глазах плясали чёртики. — Хлебнём мы с ней ещё. Чую.

Алиса стиснула зубы и промолчала.

— Слушай, — Катя посмотрела на неё с искренним любопытством. — А когда ты успела ему так насолить? Вы же столько лет не виделись.

Алиса тяжело вздохнула и пожала плечами.

С обедом решили не мудрить: тушёнка с гречкой — стратегический запас команды, проверенный годами.

— М-м-м, — Артём с видом гурмана вдохнул пар от тарелки. — Пахнет божественно.

— Тушёнка как тушёнка, — произнесла Катя. — Но в походе это «Мишлен». «Три звезды» — только за то, что горячая.

Алиса с опаской посмотрела на серую массу в своей тарелке и отправила в рот первую ложку. И, к собственному изумлению, поняла: это не просто съедобно. Это, чёрт возьми, даже очень вкусно.

После обеда дядя Витя объявил:

— За ужин сегодня отвечают Алиса, Катя и Артём. Идите на рынок и купите продуктов.

— А что обычно готовят в походах? — растерянно спросила Алиса.

— То, что можно быстро приготовить и быстро съесть ложкой, — ответил дядя Витя. — Картошка, макароны, крупы, консервы. А из этого набора, если пошевелить мозгами, можно и пир горой устроить.

— Какой бюджет на ужин? — спросила Катя.

— Разумный.

— А можно чуть точнее? — вздохнула Ксюша. — Ты один раз сказал «разумный», а сам заказал красной икры.

— Было дело, — без тени смущения признал дядя Витя.

Рынок в Бахчисарае оказался шумным, пёстрым и пахнущим так, что у Алисы закружилась голова. Прилавки ломились от овощей, фруктов, зелени, домашнего сыра и копчёного мяса. Бабушки в платках наперебой предлагали «самые сладкие помидоры на всём полуострове», а мужики в кепках с важным видом взвешивали огромные арбузы.

— Офигеть, — выдохнул Артём, вертя головой. — А это всё можно купить?

— На свои кровные можешь хоть весь рынок унести, — ответила Катя. — Но у нас лимит. Так что включаем режим экономии.

Алиса шла между рядов и чувствовала себя героиней кулинарного шоу, где ей выдали немного денег и сказали: «Удиви нас, дорогая».

— Так что будем готовить? — спросила Катя, остановившись у прилавка с картошкой. Алиса задумалась.

— Я обычно ну, на ужин салат ем или кефир пью.

Катя посмотрела на неё так, будто она только что предложила накормить всех одуванчиками.

— Ты серьезно? — медленно сказала она. — Салат и кефир?

— Ну да, — Алиса почувствовала, что сморозила глупость, но отступить было поздно. — Я дома редко ужинаю плотно.

— Дома, — Катя сделала страшные глаза. — А здесь, милая, горы и свежий воздух. Двенадцать часов физической активности. Ты к вечеру будешь готова съесть этот арбуз вместе с коркой и семечками.

— Не преувеличивай, — возразила Алиса.

— Съешь, — уверенно сказала Катя. — И добавки попросишь. Так что давай, включай голову. Что парни любят?

— Мясо? — неуверенно предположила Алиса.

— Бинго! — Катя хлопнула в ладоши. — Артём, бегом к мясному ряду. Смотри только, чтобы свежее было.

Артём послушно потрусил к прилавку, едва не споткнувшись на ровном месте.

— А мы, — Катя повернулась к Алисе, — пойдём за овощами. Сделаем сегодня нормальный ужин в котелке на костре.

Они накупили продуктов: картошки, лука, моркови, помидоров, зелени, хлеба, сыра к завтраку и, конечно, мяса — большой, аппетитный кусок говядины, который Артём, в итоге, выбрал под чутким руководством девочек.

— А мы точно за всё заплатили? — спросила Алиса, косясь на чек. — В Нижнем бы такие продукты в два раза дороже встали.

— Добро пожаловать в Крым, — хмыкнула Катя. — Здесь цены кусаются, но не больно. А продукты выращены с душой и заботой.

— Значит, ужин будет такой, что Глеб подавится от удовольствия, — мечтательно произнесла Алиса.

— Или от злости, — предположил Артём.

Они вернулись на базу, когда солнце уже клонилось к закату, раскрашивая небо в розово-оранжевые тона. Во дворе пахло дымом — кто-то уже разжигал мангал.

Алиса поставила пакеты на стол и огляделась в поисках свободных рук. И тут она заметила его.

Глеб стоял наклонившись над её велосипедом, и внимательно рассматривал раму. Провёл пальцем по сиденью, проверил тормоза, пощупал покрышки.

— Нравится? — спросила Алиса, подходя ближе. Она старалась, чтобы голос звучал ровно, но внутри всё трепетало.

Глеб поднял голову. В его взгляде не было ни насмешки, ни удивления — только констатация факта.

— Ленкин? — спросил он, кажется зная ответ.

— Да, — гордо ответила Алиса.

Она ждала, что он скажет что-то вроде «хороший велик» или хотя бы «не подведёт». Но Глеб посмотрел на неё, закатил глаза и произнёс тем самым тоном, от которого её хотелось провалиться сквозь землю:

— Слушай, ну ты серьёзно?

Алиса почувствовала, как внутри закипает глухое, тягучее бешенство.

Глеб, словно не замечая этого, продолжал сверлить её взглядом.

Он перевёл взгляд с её лица на велосипед, потом обратно, и задал вопрос таким тоном, что Алисе захотелось немедленно провалиться сквозь землю:

— Я надеюсь, ты садила на него и проехала хотя бы пару метров? Или просто взяла у Ленки, даже не опробовав?

Алиса, несколько раз открыв и закрыв рот, хватая воздух, как выброшенная на берег рыба, наконец выдавила:

— Я...ну собиралась. Но Ленка не настаивала, а я потом просто...не успела.

— Не успела, — повторил Глеб без всякой интонации. — Понятно. Алиса, ну своя голова на плечах у тебя есть? Даже если Ленка не настаивала

Он снова наклонился к велосипеду, но на этот раз не к раме, а к седлу. Провёл по нему рукой, оценивающе сжал, покачал головой и выпрямился.

— Пойми, — начал он уже другим тоном. Как учитель, который в сотый раз объясняет двоечнику таблицу умножения. — Седло должно подбираться индивидуально под анатомию конкретного человека.

— В смысле? — переспросила Алиса.

— Анатомию таза, — терпеливо, даже слишком терпеливо повторил Глеб. — Это не табуретка в офисе, где можно сидеть как попало. На велосипеде ты будешь проводить по многу часов в день. Если седло не подходит — можно заработать проблемы со здоровьем.

— Ты сейчас о чём? — Алиса почувствовала, что краснеет ещё сильнее.

— О том, что это седло идеально подходит для Ленки. А для тебя — нет. У вас разный рост, разный вес, разная ширина таза. То, что удобно ей, тебе через двадцать километров доставит массу проблем.

Алиса смотрела на него и не верила своим ушам. Он что, серьёзно сейчас читает ей лекцию? Это уже переходило все границы.

— Глеб, — перебила она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, — я, конечно, ценю твою заботу

— Это не забота, — резко оборвал он. — Это предупреждение, чтобы ты потом не удивлялась.

Алиса стояла как вкопанная. В голове билась одна мысль: «Вот козёл. Вот просто козёл. Нашёл до чего докопаться — до седла!»

Она развернулась и почти побежала к летней кухне, где Катя и Ксюша уже раскладывали продукты.

— Вы не поверите! — выпалила она с порога. — Он докопался до моего седла... то есть до седла велосипеда! Сказал, что оно мне не подходит, что у меня таз не той формы, что я всё себе ну, в общем, натру! И что Ленка не подумала, а он за меня переживает. Каков нахал, а?!

Девчонки переглянулись.

— Алис, — осторожно начала Ксюша. — А он вообще прав. Седло — это святое. Если оно не подходит, можно реально себе всё натереть так, что неделю сидеть не сможешь.

— Что?! — Алиса опешила. — Вы сговорились что ли?

— Нет, мы за тебя переживаем, — вздохнула Катя. — Глеб, конечно, мудака, но в этом вопросе он прав на все сто. Седло — штука индивидуальная. Как зубная щётка. Никто не пользуется чужой. Артём! — крикнула Катя в коридор. — Иди сюда, у нас тут разговор как раз по твоей части.

Артём появился на пороге мгновенно, будто всё это время стоял под дверью и ждал приглашения. Его лицо сияло предвкушением.

— Что-то случилось? Нужна помощь профессионала?

— Не отвлекайся, — Катя строго посмотрела на него. — Расскажи Алисе свою историю. Про первый поход.

Артём замялся, покраснел, потупил взгляд.

— Ну... это... я не знаю, можно ли при девушках...

— Рассказывай, — хором крикнули девчонки.

Артём удручённо вздохнул и начал:

— Короче, в первый раз я пошёл в поход с чужим велосипедом. Друг дал, сказал: «Норм, как раз под тебя». Я проехал первый день — вроде нормально. А на второй день утром проснулся и понял, что ну, сесть не могу — от слова совсем. Ходить могу, лежать могу, а сидеть — никак.

— И что ты делал? — не удержалась Алиса.

— Ехал стоя, — мрачно сказал Артём. — Три дня. Я потом месяц не мог на велосипед смотреть. И ещё полгода на жёсткое не садился — только в кресло с подушкой.

Катя закатила глаза, но улыбнулась. Ксюша отвернулась, чтобы не рассмеяться.

— Вот так, — подвёл итог Артём. — Так что, правильное седло — это очень важно.

Алиса молчала. Она смотрела на ребят и думала: «Глеб он что, правда переживает? Или просто хочет ещё раз указать на то, какая она домашняя девочка?»

— Ладно, — сказала она наконец. — Я поняла.

— Вот и умница, — Катя хлопнула её по плечу. — А сейчас давай готовить ужин.

Ужин удался на славу.

Картошка с мясом и овощами в котелке получилась именно такой, как надо: наваристой, ароматной, сытной. Артём уплетал за обе щёки и просил добавки. Кирилл молча протянул пустую тарелку и коротко кивнул — по его меркам это была высшая степень одобрения. Саня и Серёга что-то оживлённо обсуждали, а Ксюша подкладывала добавку то одному, то другому.

— Девчонки, вы чудо, — объявил Серёга, облизывая ложку. — Я бы на вас женился. Но я уже женат.

— Ешь давай, — усмехнулась Катя.

Алиса смотрела на опустевшие тарелки и чувствовала гордость. Она принимала непосредственное участие в приготовлении: резала картошку и овощи, подавала идеи. Кулинарные шоу, которые она смотрела дома, наконец-то пригодились в полевых условиях. Для первого раза — это успех.

Она перевела взгляд на Глеба. Он сидел чуть поодаль, безучастно ковырял ложкой в тарелке и молчал. Но она заметила: он съел всё и даже от добавки не отказался.

Алиса вздохнула, поднялась и подошла к нему.

— Глеб.

Он поднял голову. В его глазах снова была привычная насмешка, но Алиса решила не обращать на неё внимания.

— Спасибо, — сказала она. — За информацию про седло. Я изучила этот вопрос. Ты был прав.

Глеб посмотрел на неё секунду, другую. Потом коротко кивнул и ничего не сказал.

После ужина никто не расходился. Мангал догорал, угли мерцали оранжевым, в небе уже высыпали первые звёзды. Кто-то принёс плоды, кто-то — кружки с чаем, и вся команда устроилась вокруг костра.

— Дядя Витя, — попросил Артём. — Расскажите какую-нибудь интересную историю. Вы же их миллион знаете.

Дядя Витя помолчал, глядя на огонь. Потом начал негромко, будто разговаривал сам с собой:

— Ладно. Слушайте про Ай-Тодор — там, где Ласточкино гнездо. Издавна о том месте легенды ходили. Одна из них — про семерых братьев-богатырей.

Все притихли. Даже угли перестали потрескивать.

— Полюбили они, — продолжал он, — все семеро одну царевну. А та, хитрая была, говорит: «Постройте каждый по погребу на скале. Кто больше золота и драгоценностей соберёт — за того и пойду». Братья работали не покладая рук. Дни и ночи напролёт таскали камни, долбили скалы, собирали сокровища. Каждый верил, что именно он будет избранным. А за несколько недель до срока узнали, что царь дочку за какого-то заморского принца выдаёт. Не за них. Обманула их царевна. Выведала, где сокровища спрятаны, и — привет.

— И что стало с братьями? — шёпотом спросила Алиса.

— А то и стало, — дядя Витя вздохнул. — Через три дня нашли их мёртвыми. Перед смертью каждый проклял свои сокровища: кто на них взглянет — разум потеряет. А царевна, говорят, нашла те погреба, заглянула — и с ума сошла. Бросилась со скалы в море.

Повисла тишина.

— А в чём мораль? — спросил наконец Артём.

— А в том, — дядя Витя посмотрел на него поверх кружки, — что сокровища, добытые нечестно или ради чужой похвалы, счастья не приносят. А иногда и разум отнимают.

Ночью, лёжа на своей кровати, Алиса смотрела в потолок и не могла уснуть.

Ксюша уже тихонько посапывала на соседней койке. Катя, кажется, тоже спала. А Алиса всё ворочалась и прокручивала в голове дяди Витину легенду.

Она думала о своём «золоте» — о привычной жизни, где всё понятно, где мама всегда знает, как правильно, где есть тётя Вера и Игорёк. О жизни, в которой нет ни велосипеда, ни Крыма, ни ребят.

Царевна выбрала золото. И сошла с ума.

А если выбрать не золото? Если выбрать новый неизвестный путь?

Она смотрела в тёмный потолок и пока не могла найти ответа.

Глава 6. Маленькая победа.

Алиса уснула только под утро.

За всеми размышлениями о жизни, она даже не заметила, как провалилась в сон. Кажется, прошло всего пять минут, но чья-то рука уже бесцеремонно трясла её за плечо, а знакомый низкий голос резанул по ушам:

— Вставай, соня. Нас ждут великие дела.

Алиса открыла один глаз. Над ней стоял Глеб. В руке — кружка с кофе, на лице — привычная ухмылка.

— Сегодня нужно докупить всё недостающее для похода, проверить личные вещи по списку и наконец посмотреть как ты справишься с велосипедом, — продолжил он. — Даже не спорь. Я должен знать, что ты хотя бы тронуться с места на нём сможешь.

Алиса спорить не стала. Во-первых, потому что спать хотелось зверски. Во-вторых, потому что была уверена: тронуться-то она точно сможет — не умом, так ногами. Это ж не ядерная физика. Она потянулась, села на кровати и с удовольствием вдохнула аромат кофе, который исходил от кружки.

На кухне её уже ждал завтрак. Горячий омлет с овощами, огромный ломоть белого хлеба — ещё тёплого, с хрустящей корочкой, — и тот самый ароматный кофе. Она с удовольствием уплела всё до последней крошки. Раньше ей хватало на завтрак ложки каши и чашки кофе, а тут — второй раз за поход она наворачивала за обе щёки. «Вот что делает свежий воздух», — подумала она, с удовольствием отправляя в рот последние кусочки.

— Доброе утро, — Катя выглянула из-за угла. — Выспалась?

— Не то слово, — Алиса допила кофе и поставила кружку. — Какие у нас планы на сегодня?

— Пойдём, сама увидишь.

Они вышли во двор. Утро было прохладным, солнце только начинало золотить крыши корпусов. Посреди двора, на газоне, Артём раскинул всё своё снаряжение и теперь метался между кучей вещей, хватаясь за голову.

— Забыл! — вопил он на весь двор. — Палатку со спальником забыл! Что же теперь делать?!

Это было настолько театрально, что даже Глеб, стоявший чуть поодаль, не смог сдержать улыбки.

— Всё, хорош причитать, — сказал он. — Иди с дядей Витей на рынок, докупите недостающие вещи по списку. А мы пока тут с Алисиным великом разберёмся.

Артём схватил кепку и почти побежал к дяде Вите, который уже терпеливо ждал его у ворот. Девчонки смотрели ему вслед и еле сдерживали хохот.

— Ну, путешественница, — Глеб повернулся к Алисе. — Пойдём.

Алиса подошла к своему велосипеду, чувствуя себя первоклассницей перед школьной линейкой.

— Давай, садись, — кивнул Глеб.

Алиса глубоко вздохнула, закинула ногу, оттолкнулась и едва не рухнула на землю. Нога зацепилась за педаль, велосипед накренился, и её спасло только чудо и вовремя выставленная рука Глеба.

— Ещё раз, — спокойно сказал он.

Алиса попробовала снова. История повторилась с пугающей точностью. Она почувствовала, как щёки заливаются краской, а по спине течёт пот.

«Всё, сейчас начнётся лекция, — подумала она. — О том, что я ни на что не годна, даже стартовать не могу, что зря вообще приехала и что домашним девочкам не место в походе»

Она замерла под его взглядом, уже готовясь к словесному удару.

Но Глеб просто подошёл к ней, улыбнулся — первый раз за все дни без тени насмешки — и сказал:

— Я поэтому вчера и говорил тебе: надо было ещё дома проехать хоть пару метров.

— Я... я знаю, — выдавила она.

— Ладно, — он опустил на корточки рядом с велосипедом. — Седло по высоте не для тебя настроено. Ленка ниже ростом, поэтому ты и спотыкаешься о педали. Сейчас поправим.

Они провозились с велосипедом почти два часа. Глеб крутил болты, поднимал и опускал седло, проверял руль, подкачивал колёса, настраивал вилку. Алиса стояла рядом и подавала инструменты — иногда по делу, иногда просто чтобы не стоять столбом.

— Главное отличие туристического седла от городского — жёсткость, — объяснял Глеб попутно. — Многие новички думают: чем мягче, тем лучше. Покупают себе широкие «диваны», а потом удивляются, что через десять километров сидеть не могут.

— А это седло подходящее? — спросила Алиса.

— Да. — Он выпрямился и отряхнул руки. — Давай, пробуй.

Алиса села на велосипед. Седло оказалось неудобным. Непривычно жёстким, узким — совсем не таким, как мягкий «диван» её детского велика. Но ногам теперь было комфортно и руль не упирался в колени.

Она оттолкнулась, проехала пять метров, развернулась — и проехала ещё десять.

— Получается! — крикнула она и сама не поверила своему счастью.

Глеб смотрел на неё со стороны, скрестив руки на груди.

— Пойдёт, — сказал он. — Посмотрим, что будет после первого подъёма.

Алиса спрыгнула с велосипеда, чувствуя, как губы сами собой растягиваются в улыбку. Это была маленькая, но победа.

Вечером за ужином встал вопрос о палатке Артёма.

— Ну, — дядя Витя поставил кружку с чаем на стол. — Со спальником вопрос решаемый. У меня запасной есть. А палатка?

— Что же делать? — Артём смотрел на всех щенячьими глазами.

— Мда. На новую палатку наш бюджет не рассчитан, — вздохнула Катя. — Да и покупать её здесь — та ещё история.

Все замолчали. Алиса покрутила в руках чашку и вдруг сказала:

— Слушайте... А мне Ленка дала палатку. Она вроде двухспальная.

— Зелёная с тамбуром посередине? — переспросил Кирилл.

— Кажется, да, — Алиса пожала плечами.

— Это хорошая палатка, — сказал он и снова замолчал.

— Ну вот, — обрадовался Артём. — Значит, вопрос решён мы с Алисой будем в...

— Нет, — резко прервал его Глеб.

Артём вытаращил глаза. Катя поперхнулась чаем. И даже Кирилл поднял бровь — по его меркам это был взрыв эмоций.

— Чего? — не понял Артём.

— Того, — Глеб скрестил руки на груди. — Ты храпишь, как январский медведь. Я в прошлом году еле ночь с тобой в палатке пережил. Алисе ни к чему такие страдания. Ты займёшь моё место в палатке с парнями, а с Алисой буду я. Вопросы?

Артём обиженно запыхтел, но спорить не стал. Дядя Витя только улыбнулся в бороду. Алиса же покраснела и не смогла вымолвить ни слова — всё это было слишком неожиданно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.